

**КЛАССИЧЕСКАЯ, НЕКЛАССИЧЕСКАЯ И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ
МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ***

Аннотация. В статье предлагается модель «внутридисциплинарного» и «мировоззренческого» рассмотрения социальной теории, а также осуществляется попытка их синтеза. Внутренний ракурс позволяет проследить базовые трактовки онтологии и методологии социального (оппозиции «действие-структура», «объективизм-субъективизм»), внешний – сопоставить формирование социальной теории с трансформациями в представлениях о научной рациональности. Основной вывод работы – правомерность соотнесения модели «классической - неклассической - постнеклассической рациональности» с рассматриваемыми парадигмами социальной науки.

Ключевые слова: социальное познание, методология, научная рациональность, классическое, неклассическое, постнеклассическое.

A. Ivanova

CLASSICAL, NONCLASSICAL AND POSTNONCLASSICAL MODEL OF SOCIAL KNOWLEDGE

Abstract. The article offers a model of the “interdisciplinary” and “world outlook” consideration of the social theory, as well as performs an attempt to synthesize them. The inner foreshortening makes it possible to trace the basic interpretations of ontology and methodology of the social (opposition “action – structure, “objectivism – subjectivism”), the outer – to correlate the formation of the social theory with transformations in the notions about the scientific rationality. The main conclusion of the work lies in the rightfulness of the correlation of the model “classical – nonclassical – postnonclassical rationality” with social science paradigms under consideration.

Key words: social knowledge, methodology, scientific rationality, classical, non-classical, postnonclassical.

На сегодняшний день существует немало вариантов «унификации» социологических теорий, попыток приведения их к некоему «общему знаменателю». Ключевой в данном случае, несомненно, является проблема критериев выделения тех или иных «исследовательских стратегий», «научных парадигм».

Отметим, что ряд теоретиков довольствуется простым перечислением сложившихся школ и традиций, не всегда указывая основание подобного разграничения. Примером указанного способа рассуждений может служить работа В.Г. Немировского. Автор пишет: «В современной социологии существует пять основных парадигм – исходных концептуальных схем, объяснительных моделей, на которые опираются различные концепции. Они различаются в зависимости от того, как авторы понимают социальную реальность» [5, 27]. Список их, согласно Немировскому, таков: «парадигма социальных фактов» (Э.Дюркгейм, Т. Парсонс), версии «понимающей социологии» (символический интеракционизм, феноменологическая социология), «парадигма социального поведения» (бихевиоризм и теория социального обмена), «психологический детерминизм» З. Фрейда

* © Иванова А.С.

и «экономический детерминизм». Представленная «картина» современной социологической науки навряд ли может быть признана логически последовательной. В частности, неясно, на каком основании в качестве самостоятельной «парадигмы» выделен фрейдизм и почему тогда в этом статусе отказано другим влиятельным концепциям современной гуманитаристики.

Очевидно, здесь нарушен принцип единства критериев классификации. Для осуществления более корректной «группировки» различных социальных теорий многие авторы справедливо прибегают к различным теоретическим дихотомиям. Наиболее общей моделью является *оппозиция* «объективизм – субъективизм». Ее своеобразными «вариациями», как правило, выступают «натурализм – культурцентризм», «позитивизм – антипозитивизм», «социоцентризм – антропоцентризм», «макроанализ – микроанализ» и др.

Указанные оппозиции сегодня широко представлены на страницах специализированной литературы. При этом в значительной части случаев они рассматриваются как «синонимичные». С нашей точки зрения, хотя и допустимо говорить о своеобразных «линиях притяжения» между ними, однако их полное отождествление неправомерно: «социоцентризм» не есть автоматически «натурализм», равно как «антропоцентризм» не является достоянием исключительно «культурцентризма».

Именно поэтому, во избежание терминологических «злоупотреблений», необходимо указывать на возможность различных трактовок данных понятий («предметный» и «методологический» аспекты проблемы). С нашей точки зрения, оппозиции «натурализм – культурцентризм», «позитивизм – антипозитивизм» тяготеют к гносеологизму: речь, в первую очередь, идет об объяснительном принципе, о методологическом стандарте, на которой ориентируется социальная теория.

С этих позиций анализирует историю развития социального знания Л.Г. Ионин [3], рассматривая ее как противоборство «натуралистической» и «культурцентристской» ориентаций. Не подвергая сомнению эвристическую ценность заявленной оппозиции, отметим, однако, что в рамках данного подхода не проясненным остается вопрос: является ли «социальное» – трактуемое ли по аналогии с «природным», или же как отличное от него – субъектной реальностью или реальностью надындивидуального порядка?

Также, с нашей точки зрения, не может быть признан полностью удовлетворительным подход, где в качестве единственного «водораздела» в социологических построениях оказывается онтологическая система координат – оппозиция «человек – общество» / «действие – структура». В логике данного подхода рассуждает, в частности, В.А. Ядов, характеризуя современную социологию исходя из противостояния «макросоциологической» и «микросоциологической» перспектив.

Приведем цитату: «Макротеоретики оперируют понятиями общества, культуры, социальных институтов, глобальных социальных процессов. «Микротеоретики» работают с понятиями социального поведения, акцентируя внимание на его механизмах, включая мотивацию, стимулы групповых действий и т.д.» [9, 16]. Таким образом, автором справедливо тематизируется проблема того, как мыслить само «социальное» – на уровне «внешних» структур или межличностных интеракций. Сложность, однако, в том, что к «микротеоретической» ориентации с равным успехом может быть причислена как феноменологическая социология, так и социальный бихевиоризм, что содержательно явно неоправданно.

В этой связи мы утверждаем, что в целях корректной экспликации «социологических парадигм» необходимо учитывать взаимоналожение двух обозначенных ранее перспектив – онтологической и гносеологической. Среди попыток подоб-

ного рода концептуализаций можно указать работы И.Ф. Девятко [2]. Принцип предлагаемой автором классификации – выделение онтологической оппозиции «социальное действие – социальный порядок», а также ее методологического аналога – «субъективизма (идеализма) – объективизма (материализма)». В результате представлены четыре социологические парадигмы: «натурализм» (проекция «социального действия» и методологического «объективизма»), «интерпретативизм» («действие»; «субъективизм»), «структурализм» («социальный порядок»; «объективизм»), «функционализм» («порядок»; «субъективизм»).

Итак, согласно автору, «натуралисты» и «интерпретативисты» едины в признании социального действия главным предметом социальной науки, однако расходятся в методах его постижения – данная проблема в историю гуманитарной мысли изначально вошла как оппозиция «объяснение–понимание». «Функционалисты» и «структуралисты» настаивают на первичности социальных ролей и бессознательных структур по отношению к индивидуальному поведению субъекта. При этом автором справедливо отмечается тот факт, что если «структуралисты» в построении своих объяснительных моделей ориентируются на «естественную» причинность, то функциональная модель тяготеет к телеологизму – целевой причинности. Однако, с нашей точки зрения, данная особенность «функционализма» не является достаточным основанием к отнесению его в разряд «методологического субъективизма» наряду с «интерпретативизмом»: на современном этапе функционализм вовсе не случайно именуется «структурным». Вместе с тем, и самим автором отмечается факт различного рода «концептуальных смещений» и «терминологических заимствований» на современном этапе развития социальной теории, в связи с чем возведение между ними непроницаемых теоретических барьеров признается не вполне оправданным.

Схожую концептуальную модель предлагает еще один отечественный социолог, В.Г. Осипов [см. 6]. В своем анализе он также исходит из двух базовых разграничений. Дихотомия, связанная с выявлением исходной «клеточки» социального, есть оппозиция «действия–структуры»: сторонники «акционизма» настаивают на детерминации «общества» целенаправленной деятельностью индивидов; для «структуралистов» социальный порядок, напротив, не следствие, а источник действий акторов. Оппозиция, обусловленная принятым познавательным стандартом, есть оппозиция «объективизма–субъективизма». «Объективисты» исходят из тезиса о «едином стандарте науки», а посему настаивают на использовании «количественных» методов в обществознании. «Субъективисты», напротив, апеллируют к «качественной» методологии в науках об обществе в связи с их «инонаучностью».

Таким образом, автором (Осиповым) также намечаются четыре направления социологического теоретизирования. К «акционистскому объективизму» причисляются социальный бихевиоризм Б. Скиннера, теория конфликта Р. Дарендорфа и др.; к «системному объективизму» – неозволюционизм Л. Уайта и структурализм К. Леви-Строса. «Деятельностный субъективизм», представленный, в понимании Осипова, символическим интеракционизмом Г. Блумера и феноменологической социологией А. Шюца, «основан на представлении о социальной жизни как субъективной реальности, порождаемой совокупностью индивидуальных актов сознания и действия людей... при этом сама социальная жизнь лишается статуса объективной и целостной» [6, 169]. Социология знания П. Бергера и Т. Лукмана, а также экзистенциальная социология Э. Тирикьяна причисляются к «системному субъективизму» и характеризуются автором в качестве «концепций субъективистской ориентации, признающих существование надиндивидуальных структур или систем, независимых от индивидуальных действий и представлений людей» [6, 170].

Различия представленных Девятко и Осиповым классификаций – несмотря на изначально весьма схожие стратегии анализа – отчасти связаны с тем, что Девятко пытается представить исторический генезис формирования основных парадигм, тогда как Осипов апеллирует, в первую очередь, к современности. В предлагаемой им схеме примечателен тот факт, что представители феноменологической социологии оказываются «по обе стороны баррикад» – А. Щюц и И. Гофман причисляются к «акционистам», в то время как П. Бергер, Т. Лукман – к «структуралистам».

На наш взгляд, данная «неукорененность» феноменологии отнюдь не случайна: феноменологическая социология в процессе своего теоретического развития действительно будет все более ориентироваться на синтез «деятельностного» и «структурного» подходов в понимании социальной реальности. Это, впрочем, отчасти признает и сам Осипов: «Стремясь преодолеть односторонность своей позиции, сторонники акционистского субъективизма вводят понятие «интерсубъективность». Они признают существование типических представлений или социальных значений, являющихся продуктом взаимодействия между людьми... Люди конструируют социальную реальность, вырабатывая в процессе совместной деятельности наборы образцов и социальных значений. В этом смысле социальный мир есть продукт коллективного творчества людей, их интерсубъективного взаимодействия» [6, 170].

Итак, проследив интерпретации ряда базовых дихотомий социологического знания, выделяемых по принципу тезис–антитезис, мы, вместе с тем, должны признать, что современный этап развития социологической теории характеризуется явной тенденцией к пересмотру подобного рода «бинаризма». Несомненно сегодня взаимовлияние структуралистской и интерпретативной моделей: И. Гофман и Г. Гарфинкель испытали серьезное влияние структурализма, П. Бурдьё – символического интеракционизма. О движении от «социальных структур к взаимодействиям» (Н. Элиас) и от «интеракций к социальным структурам» (П. Бергер, Б. Латур) справедливо говорит Ф. Коркюф [4]. В качестве интегративных также могут быть рассмотрены теория структуризации Э. Гидденса, концепция «микрооснований явлений макроуровня» Р. Коллинза, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

В свете сказанного стратегия нашего дальнейшего рассмотрения связана с тем, чтобы к представленному «внутреннему» ракурсу рассмотрения социальной науки – исходя из намеченных демаркационных линий «действие–структура», «объективизм–субъективизм», – добавить «внешний»: попытаться осмыслить специфику постановки и решения ключевых вопросов социального знания, исходя из господствовавших в различные исторические периоды представлений об идеалах науки.

Модель «классика – неклассика – постнеклассика», к которой мы будем апеллировать, во многом утвердилась благодаря работам влиятельнейшего теоретика науки В.С. Степина, предложившего указанную схему в конце 80-х гг. Вкратце остановимся на исторической и концептуальной «локализации» идеалов рациональности в том виде, в котором они формулируются Степиным. «Классическая рациональность» (XVII-XIX вв.), согласно автору, исходила из атомарного строения мира, принципа дальнего действия (тела взаимодействуют путем мгновенной передачи сил), а также жесткого детерминизма (так называемая «лапласовская причинность») и понимания системы как полностью определяемой свойствами составляющих ее элементов. В конце XIX-начале XX в., по мысли Степина, намечается переход к неклассической рациональности. Этот период ознаменовался целым рядом научных революций: становление квантовой теории в физике, обнаруже-

ние парадоксов теории множеств в математике, оформление концепции нестационарной Вселенной в космологии [7, 277]. Как следствие – «опытная подтверждаемость» уже не является синонимом «научности»: императив «наглядности принципов теории», свойственный «классике», сменяется принципом «внутреннего совершенства теории» (А.Эйнштейн). Постнеклассическая рациональность характеризуется Степиным, исходя из категорий «междисциплинарности», «комплексных исследовательских программ», ее становление связывается с формированием синергетики [7, 282-283].

Таким образом, Степин, характеризуя «модели рациональности», в первую очередь говорит о естествознании, пытаясь связать классическую механику с представлением о реальности как о «простой системе», квантовую механику – со «сложными саморегулирующимися» объектами, а синергетику – со «сложными саморазвивающимися» системами. При этом *им допускается возможность привнесения общей модели и ее содержательной интерпретации в социальное знание*. Однако сам Степин, говоря о мире человеческого социума, в большинстве случаев оперирует терминологией, позаимствованной из наук естественного профиля: «Усложнение и развитие биосферы создало на определенном этапе предпосылки для особого типа эволюции – становления и развития человеческого общества» [7, 267].

В целом можно отметить, что автор ограничивается замечаниями довольно общего характера: «...В различных версиях структуры и динамики общества есть общие компоненты, что намечает общие контуры картины социальной реальности. Можно констатировать определенное согласие относительно видения общества как сложной, исторически изменяющейся системы. Картина социальной реальности включает представление об этой системе, и в качестве ее составляющих выделяет три основные подсистемы – экономику, социально-политическую подсистему и культуру...» [8, 47]

Таким образом, есть основания утверждать, что проблема специфики социогуманитарной «классики – неклассики – постнеклассики» должным образом не прорабатывается Степиным; большинство же авторов-социологов сегодня по-прежнему мыслят историю и методологию общественных наук в рамках схемы «классическое-неклассическое», которая, на наш взгляд, свой эвристический потенциал во многом исчерпала и более не является адекватным инструментом анализа.

В наших дальнейших рассуждениях (в публикациях и диссертации) мы будем опираться на общую концептуальную рамку, предложенную В.С. Степиным, однако не станем смешивать языки описания: интерпретировать социологическую неклассику в терминах «саморегулирующегося», а пост- – «саморазвивающегося». Для нас куда больший интерес представляет осуществленная Степиным попытка рассмотреть развитие науки в контексте доминирования в ее рамках *онтологической, гносеологической и аксиологической размерностей*. Однако, по порядку.

В соответствии с деятельностным подходом, Степин в своем анализе исходит из схемы «объект – средства и операции (деятельности) – субъект». Данная схема, по его мнению, напрямую коррелирует с основными подсистемами науки: 1) научными картинами мира, 2) идеалами и нормами науки, 3) философско-мировоззренческими основаниями знания.

Таким образом, представления об объекте науки формируются исходя из базовых онтологических допущений, фиксируемых в рамках «картины мира»; задача выработки соответствующих специфике объекта познания средств его описания решается посредством выделения определенных «идеалов и норм науки». К «онтологическому» и «гносеологическому» измерениям науки добавляется «ак-

сиологическое»: проблема *субъекта* ставится как проблема ценностно-целевой ориентации научной деятельности. При этом, рассматривая «науку» в единстве «онтологии», «гносеологии» и «аксиологии», Степин приходит к выводу о том, что каждый «идеал рациональности» предполагал свой системообразующий «срез»: «классика» фокусировалась на характеристиках *объекта познания*, «неклассика» – на *методе*, «постнеклассика» – на измерении *субъекта*.

Более подробно остановимся на анализе «моделей рациональности», включающих ряд базовых онтологических и методологических представлений, определяющих конкретные подходы к исследованию, а также цели и ценности познавательной деятельности.

Классическая рациональность в самом общем виде есть идеал познания реальности «самой по себе». Постулирование не зависящего от наблюдения объекта науки предполагало элиминацию субъекта – именно устранение всяческой «субъективности» рассматривается как гарантия достоверности знания. Методы в рамках данной модели также не обладают самостоятельным статусом – они суть строительные леса *здания Науки*.

В качестве общенаучной функционирует механистическая картина мира, что предопределяет специфику рассмотрения «социального», а точнее, отсутствие таковой. «Парадигмальные трансплантации» (выражение В.С. Степина) выражаются, в частности, в следующем:

- математизированное естествознание есть образец для построения социальных наук, ориентироваться они поэтому должны на формализованное описание с возможностью его экспериментальной проверки;

- в попытке понять общество исходя из «естественных» зависимостей как не-научная отвергается целевая причинность (телеологизм), она атрибутируется «устаревшим» «теологии» и «метафизике»; ей на смену приходит каузальное объяснение, принципы которого были, в частности, сформулированы К. Гемпелем в его дедуктивно-номологической модели.

В противовес «объектно» ориентированной «классике», в рамках «неклассической рациональности» на первый план выходит проблема метода. Фундаментальный принцип: картина реальности относительна к средствам ее постижения – понятийному аппарату, исследовательским техникам. Как следствие – на смену фактуальной объективности приходит «*объективность по правилам*». Сами инструменты познания становятся предметом особой рефлексии.

Указанная особенность «неклассики» обнаруживает себя не только в физике (роль наблюдения в квантовой механике), но и в социальном познании. Попытка обоснования специфики социогуманитарного знания осуществляется на уровне метода: выделение «наук о природе» и «наук о культуре» есть не предметное разграничение, но два разных способа интерпретации действительности. В рамках социальной теории на смену «реализму» О. Конта приходит «номинализм» М. Вебера: социальное не «есть» (в духе «социальных фактов» Э. Дюркгейма), но «значит». «Объяснение» социального целого уступает место «пониманию» индивидуального действия актора. Как следствие – восстанавливается в правах целевая причинность: социальные науки отныне ориентируются не только на каузальное «почему?», но и на телеологическое «для чего?».

«Становление постнеклассической рациональности, – утверждает Степин, – требует нового углубления рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности» [7, 293]. Таким образом, «постнеклассика» привносит тематизацию культурно-исторической обусловленности науки, ставя на повестку дня проблему ее соотнесенности со вненаучными ценностными ориентациями субъекта.

«Объективизм» классической рациональности предполагал полную элиминацию субъекта, рассмотрение его как пассивного ретранслятора *истины*. В рамках «неклассики» субъект восстанавливается в правах, но именно как субъект познающий – вооруженный универсальным научным методом. В этой связи необходимо особо подчеркнуть: в рамках неокантианства артикулировалась идея методологического обособления гуманитаристики, однако при этом выдвигалось требование сохранения для нее той же степени «объективности» и «достоверности», что приписывались естествознанию.

Если «классическая» социология мыслила «социальное» по аналогии с «природным», то «неклассическая» помещает в центр рассмотрения «культуру» как ценностное измерение человеческой жизни. Однако видит в ней средоточие универсальных смыслов: «индивидуальное» здесь – всегда сквозь призму «общечеловеческого». Таким образом, на смену эмпиризму позитивистской социологии, растворявшей «ценности» в «благах» (различные версии утилитаризма), пришел трансцендентальный идеализм неокантианцев. Познающий *рацио* был понят как инстанция человеческой идентичности. Посему ценностное отношение к объекту есть отношение «теоретическое»: «практическое» объявляется оценочным, то есть «субъективным» и не могущим быть предметом «строгих» наук о культуре. «Постнеклассика» в лице феноменологической социологии (а также ряда родственных ей концепций – Ю. Хабермаса, Э. Тирикьяна и др.) попытается оправдать практическое, заинтересованное отношение к объекту, восстановить в правах рациональность обыденной жизни, предшествующей объективирующей рефлексии науки.

Субъект перестанет пониматься в качестве абстрактной познающей инстанции, исключаяющей все эмпирическое, социально обусловленное. Человек предстанет агентом социокультурных практик. Поэтому и само «социальное», в традиционной социологии рассматриваемое предельно абстрактно, как непроблематизируемый фон и общая предпосылка познавательной деятельности, – в «постнеклассическом» социальном дискурсе будет представлено во всей своей содержательной полноте – как «жизненный мир», как смысловой универсум конкретной культуры. Данная стратегия, на наш взгляд, знаменует собой общую переориентацию исследовательского мышления, связанного отныне со всесторонним анализом форм повседневного существования человека, стереотипов его мышления. Столь характерное для «классики-неклассики» принижение значимости здравого смысла и рутинных повседневных практик будет подвергнуто жесткой критике.

Итак, подведем некоторые итоги. В своем анализе мы исходили из «внутридисциплинарного» и «мировоззренческого» рассмотрения социальной теории, осуществив попытку их синтеза: внутренний ракурс позволил нам проследить базовые трактовки онтологии и методологии социального (оппозиции «действия–структуры», «объективизма–субъективизма»), внешний – вписать социальные науки в широкий философский контекст, сопоставить формирование социальной теории с трансформациями в представлениях о научной рациональности. В результате можно сделать вывод о правомерности соотнесения модели «классической – неклассической – постнеклассической рациональности» с рассматриваемыми «парадигмами» самой социальной науки.

«Классике» как модели науки в рамках социологического знания в наибольшей степени отвечает позитивистская программа, сформулированная О. Контом. Среди ее характеристик: «структурное» (в обсуждаемом выше смысле) видение социальной реальности, «количественные» методы ее анализа, идеал ценностно-нейтрального исследования.

«Неклассическая социология» есть, в первую очередь, неокантианская программа обоснования социогуманитарного знания, ибо именно ей в наибольшей

степени присущ «методологизм», определяющий специфику «неклассической рациональности» в интерпретации Степина. Напомним в этой связи еще раз, что «культура» в рамках Баденской школы неокантианства – не домен реальности, но способ познания действительности.

Итак, с точки зрения методологии, «неклассика» ознаменована становлением так называемых «качественных» методов исследования, отличных от «количественного» стандарта естественнонаучных дисциплин (заявленная вначале оппозиция методологического «объективизма – субъективизма»). В плане онтологии «социологическая неклассика» на первый план выдвигает «деятельностное» – в противовес «системному» – прочтение социальной реальности. В первую очередь, это, несомненно, теории «социологических номиналистов» М. Вебера и Г. Зиммеля.

«Постнеклассическая рациональность», предполагающая, по Степину, рефлексию социокультурной обусловленности науки, в общественном знании будет реализована, в том числе, в рамках социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана, а также социологии повседневности А. Шюца. Первые предметом своего анализа сделают те процессы, с помощью которых некая система знания становится социально признанной в качестве «реальности»; Шюц, обратившись к анализу «жизненного мира», проблематизирует соотношение «научного» и «профанного» в социальном познании.

В целом можно утверждать, что общей для указанных и ряда других версий современной социальной теории является попытка пересмотра оппозиции «социальное действие – социальный порядок» на базе синтеза структуралистского и герменевтического подходов. На смену дуализму придет «дуальность»: «Субъектов деятельности и структуры нельзя рассматривать как две независимые друг от друга категории... Структурные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые и воспроизводимые этой деятельностью» [1, 70].

Итак, в рамках данной статьи нами были представлены общие концептуальные рамки социологической «классики, неклассики и постнеклассики». В условиях постоянно воспроизводимой сегодня различными исследователями идеи кризисного состояния современного общественно-научного знания, а также необходимости кардинального методологического пересмотра его оснований, – дальнейшая проработка этой тематики представляется нам одной из насущных задач, стоящих перед социально-философской мыслью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гидденс Э. Устроение общества. – М., 2003.
2. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. – М., 2003.
3. Ионин Л.Г. Понимающая социология. Историко-критический анализ. – М., 1979.
4. Коркюф Ф. Новые социологии. – М., СПб. 2002.
5. Немировский В.Г. Теоретическая социология: нетрадиционные подходы. – Красноярск, 1997.
6. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная эпистемология. – М., 1999.
7. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко и В.С. Степин. – СПб., 2009.
8. Степин В.С. Конструктивизм и проблема научных онтологий // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М., 2009.
9. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 2000.